

УДК 327.83

ИСЛАМ В КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ФРАНЦИИ В ТУНИССКОМ ПРОТЕКТОРАТЕ В 1881–1914 ГОДАХ

Н. Б. А. Каздагли

Каздагли Нежмеддин Бен Абделькадер, кандидат исторических наук, старший преподаватель истории и русской культуры, Высший институт языков Туниса, Университет Картаж, Тунис, Тунисская Республика, kazlabarum@gmail.com

В статье исследуется роль исламского фактора во французской колониальной политике в протекторате Тунис на протяжении 30 лет – от захвата Туниса Францией до начала Первой мировой войны. Автору удается четко выделить два основных этапа французской стратегии в отношении исламских институтов Туниса, дать анализ основного содержания этой политики и ее долгосрочных последствий. Особое внимание в статье уделено позиции, которую занимало исламское духовенство – улемы Туниса – по отношению к французской оккупации и зарождающемуся национально-освободительному движению.

Ключевые слова: французский колониализм, Тунис, ислам, улемы, светские реформы, традиционализм.

Islam in the Colonial Strategy of France in the Tunisian Protectorate in 1881–1914

N. B. A. Kazdaghli

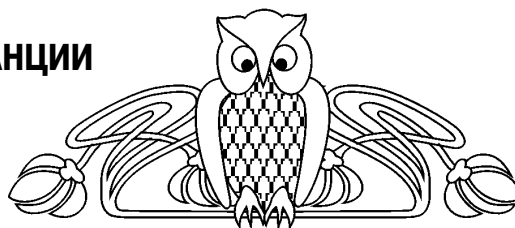
Nejmeddine B. A. Kazdaghli, ORCID 0000-0002-7440-4732, Higher Institute of Languages, Tunis (Universit de Carthage), BP-77, Rue Ibn Maja, cite El Khadra, Tunis, Tunisie, 1054, kazlabarum@gmail.com

The article investigates the role of the Islamic factor in French colonial policy in the protectorate of Tunisia for 30 years – from the capture of Tunisia by France to World War I. The author manages to allocate two main stages of the French strategy concerning the Islamic institutes of Tunisia, to give the analysis of the main maintenance of this policy and her long-term consequences. Special attention in article is paid to a position which was taken by Islamic clergy – ulama of Tunisia – in relation to the French occupation and the arising national liberation movement.

Key words: French colonialism, Tunisia, Islam, ulama, Secular reforms, traditionalism.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-489-494

На протяжении длительного времени, начиная с XVII в., Франция стремилась укрепиться в Тунисе, подорвав там турецкое влияние. Установление французского протектората над Тунисом было логическим завершением финансово-экономического, политического и военного покорения Магриба французами. Непосредственный захват произошел в 1881 г., когда был спровоцирован пограничный инцидент, и французские войска 12 апреля получили приказ перейти тунисскую границу. Бей Туниса Мухаммед ас-Садок принужден был подписать навязанный французами до-

говор об установлении протектората над страной. Теоретически в соответствии с буквой договора Тунис сохранил национальную государственность и, вместе с ней, все внешние атрибуты суверенитета – флаг, герб, правительство, суд и даже национальную армию. Юридически Тунис сохранил также монархическую форму правления. На деле вся полнота власти принадлежала генеральному резиденту Франции.

Режим протектората был значительно выгоднее для Франции по сравнению с откровенной аннексией, как это было в Алжире. Во-первых, он вызывал меньшую тревогу у других великих держав, заинтересованных в сохранении паритета сил в этой части Средиземноморского бассейна. Во-вторых, режим протектората на первых порах создавал видимость будто ничего, кроме «небольших» изменений в старом порядке вещей, не произошло. Поэтому он мог быть легче воспринят коренным населением страны и таким образом избавлял от необходимости проводить длительную и дорогостоящую военную экспедицию. Глава французской католической миссии в Тунисе кардинал Лавижери сказал по этому поводу: «Режим протектората в Тунисе позволил нам сэкономить на религиозной войне»¹.

Французская колониальная стратегия формируется уже в первое десятилетие Третьей республики (1870–1880). Лидер Республиканской партии Жюль Ферри, занимавший пост главы правительства Франции в 1880–1881 и 1883–1885 гг., был основным инициатором колонизации на практике и стал ведущим ее теоретиком. Доктрина Ферри содержала в себе откровенно захватнические цели, прикрываемые аргументами гуманистического характера: колониальный патернализм подразумевал распространение среди «варварских» рас благоденствия Науки, Разума и Свободы. Однако у этой либеральной колониальной стратегии были оппоненты в лице сторонников жесткой линии. И «колонизаторы», и «либералы» преследовали единую цель – утверждение господства Франции в Тунисе, но они не были едины в выборе формы и средств. «Колонизаторы» настаивали на аннексии и прямом правлении, полагаясь при этом на применение силы; «либералы» предпочитали протекторат при сохранении внутреннего суверенитета Туниса, действуя через создание базы поддержки со стороны местного населения. Карт-бланш на проведение преобразований в вновь образованном протекторате был дан постоянному посланнику Франции в Тунисе,

генеральному резиденту с 1882 по 1886 г. Полю Камбону. Талантливый дипломат, противник прямой аннексии, он сумел взять верх в конфликте с главнокомандующим французскими войсками в Тунисе генералом Буланже, представителем правых политических кругов Франции.

П. Камбон проявил осторожность и такт в осуществлении продиктованных из Франции и разработанных в ее министерствах юридической, административной и финансовой реформ. Уже первая из них, юридическая, требовала более внимательного отношения к религиозным чувствам местного населения. В 1883 г. началось введение в Тунисе французского законодательства и организация французских судов. Из дипломатической переписки того времени известно о трудностях, с которыми пришлось столкнуться властям протектората в ходе проведения юридической реформы. Один из иностранных консулов в Тунисе писал: «французам едва ли удастся победить упорное сопротивление мусульманского духовенства и вместе с ним Бея и подчинить без насилия действию своего судопроизводства тунисских мусульман. Замена священного, обычного права (“шариат”) постановлениями Наполеоновского кодекса (Наполеоновский кодекс – французский гражданский, коммерческий и уголовный кодексы норм буржуазного права, выработанных при личном участии Наполеона. – *Н. К.*) была бы для последних крайне тягостна. Пример неудачного опыта подобной замены налицо – в Алжире. Тамоснее население не может по сию пору свыкнуться с французским законодательством, противоречащим коренным образом складу жизни и верованиям мусульман»². Администрация протектората решила не вмешиваться в мусульманское религиозное правосудие. Бейский суд, рассматривавший уголовные дела тунисцев, продолжал работать в столице под присмотром французской администрации. Это был, безусловно, дальновидный шаг властей протектората.

Отказ от открытого вмешательства в дела религии и культа объяснялся самими французами как духом патернализма, свойственным Франции, так и политическими соображениями: «Франция хотела сохранить верования и традиции мусульманских народов, которых она колонизовала. Это был, без сомнения, политический расчет. Вместе с тем это было проявлением французского либерального духа и врожденного уважения к религиозным ценностям. Разве входит в задачу опекуна ломать мебель в старом доме, который берут на сохранение?» – рассуждал французский социолог А. де Монтети³.

Последователи П. Камбона на посту генерального резидента Франции в Тунисе Ж. Массико (1886–1892) и Р. Мийе (1894–1900) продолжили его либеральный курс. Они сделали ставку на исламский модернизм. Так как автохтонное население Туниса в религиозном отношении было в подавляющем большинстве однородно и испо-

ведовало ислам суннитского толка, французская администрация уделяла основное внимание тому влиянию, которое ислам оказывал на урбанизованное население. Французы прилагали максимум усилий для поддержки прогрессивных элементов в тунисском обществе. Стратегия в отношении веры крестьян и кочевников – так называемого народного ислама, который характеризовался деятельностью религиозных братств и культом святых, – была также гибкой. Деятельность 17 религиозных братств и 178 завий (обителей) марабутов постоянно отслеживалась французскими властями⁴. В 1883 г. они отменили право убежища в завиях, отчего братства и марабуты лишились возможности непосредственно влиять на политику. Но известно, что в 1890-е гг. власти протектората обеспечивали лояльность со стороны братства Тиджания освобождением от налогов его членов.

Самым мощным и действенным из новых средств колонизации стало европейское образование. Создание новой европеизированной, получившей французское образование интеллигенции, которую в Тунисе стали называть «эвалюэ», было предметом особой заботы властей протектората. Французы отводили этим людям двойной культуры, просвещенные взгляды которых признавали способность ислама к обновлению, роль посредников между новыми властями и традиционным обществом.

Первым примером сотрудничества подобного рода стало создание в 1888 г. газеты на арабском языке «Аль-Хадира». Газету, субсидируемую французскими властями, возглавил 29-летний Али Бушуша, получивший образование в Англии. Администрация протектората так формулировала основную задачу газеты: «Мы готовим общественное мнение для восприятия наших реформ. Газета пользуется авторитетом у местной публики. Ее редакторы – хорошие мусульмане и в то же время знают современные запросы Туниса»⁵. Редакция «Аль-Хадиры» вела агитацию с умеренно-либеральных позиций, затрагивая такие темы, как совместимость ислама с научным прогрессом, современным образованием. Например, статья, посвященная образованию женщин, начиналась так: «Многие наши единоверцы убеждены в том, что женщина должна быть изолирована от любых проявлений общественной жизни... Они ошибаются: мусульманка должна быть образована». Но, оставаясь умеренным в своих требованиях и не переходя границ дозволенного, автор пишет далее: «Мы никогда не посоветуем вам отправлять дочерей в школы, мы лишь утверждаем, что девочки могут получать образование путем, согласующимся с принципами ислама»⁶.

Система образования Туниса традиционно считалась сферой влияния мусульманского духовенства. Поэтому, когда в 1896 г. было образовано просветительское общество «Аль-Джамиа аль-Халдуния» – еще один плод сотрудничества французских либералов и тунисских интеллектуа-

лов, это вызвало беспокойство и неприятие среди улемов. Общество, которое финансировалось властями протектората и имело целью распространение среди тунисцев современных знаний на арабском языке, было задумано как придаток к мусульманскому университету аз-Зейтуна. Этот оплот ислама, основанный еще в IX в., ко времени установления протектората пришел в упадок. Образование, которое там давалось, было религиозным и по своему духу могло сравниться с европейским университетом XIII в. После появления «Аль-Джамиа аль-Халдуния» студенты этого религиозного учебного заведения получили возможность дополнять свое традиционное образование современными предметами. Обществу удалось привлечь к сотрудничеству лишь нескольких улемов, согласившихся преподавать там классический арабский язык.

В 1898 г. власти протектората решили, что пора приступить к реформированию и самой цитадели исламского образования – университета аз-Зейтуна. Один из высокопоставленных сотрудников французской администрации в Тунисе, директор отдела образования Л. Машюэль писал: «Я мечтал иметь в Магрибе, который теперь находится под французским контролем, арабский интеллектуальный центр, влияние которого простиралось бы и на другие арабские страны – нечто вроде исламского университета, где арабские студенты будут получать современные знания при современном уровне преподавания... Эта мечта могла быть реализована – ведь кроме старых реакционных преподавателей здесь были и другие – молодые и более открытые прогрессу, способные поддержать наши реформы. Но эти реформы следовало проводить с крайней осторожностью и осмотрительностью, необходимо было сначала подготовить тунисцев к их восприятию»⁷.

Л. Машюэль отмечает негативную роль генерального резидента Р. Мийе, человека амбициозного и нетерпеливого – «хорошего администратора, но имевшего недостаточно опыта обращения с институтами и людьми Туниса». Генеральный резидент «хотел преобразовать аз-Зейтуну радикально, реформируя обучение, методы, традиции и даже дух мечети»⁸. Согласно предложенному Р. Мийе плану аз-Зейтуна должна была стать еще более влиятельным и известным центром исламского обучения, чем аль-Азхар в Египте. Тем самым и Франция превращалась в величайшую «исламскую» державу, лишив Великобританию, сферой интересов которой был египетский аль-Азхар, части ее традиционного влияния на арабский мир.

Генеральный резидент распорядился создать комиссию по проведению реформы аз-Зейтуны, в которую вошли кроме чиновников представители просветительского общества «Аль-Джамиа аль-Халдуния» и тринадцать улемов, включая главного религиозного авторитета в государстве шейха аль-ислам Мухаммеда Байрама и главное долж-

ностное лицо в системе религиозного суда Туниса баш муфтия Ахмада ибн Шарифа. На первом заседании комиссии 10 мая 1898 г. французами были предложены следующие изменения: разделение обучения на три ступени (начальное обучение, среднее и высшее); требование о сдаче экзаменов при переходе от одной ступени к следующей; введение в учебное расписание современных наук; разнообразие методов обучения: необязательность заучивания наизусть, замещение старых книг специально составленными учебниками. Улемы пообещали изучить эти предложения.

Следующее заседание комиссии состоялось 18 мая. Шейх аль-ислам Мухаммед Байрам взял слово и заявил, что обучение в аз-Зейтуне не может быть подвергнуто ни малейшим изменениям. Один из улемов, кади Исмаил ас-Сафаихи, поддержал его, напомнив, что образование, получаемое в аз-Зейтуне, существует, чтобы учить шариату, мусульмане нуждаются в нем, потому что шариат является основой их жизни и религии, социальных и политических институтов. Улемы дали понять, что студенты аз-Зейтуны могут самостоятельно изучать светские науки, но светское образование никогда не станет обязательным для них, тем более за счет сокращения часов на исламские курсы.

Понадобилось еще немало времени, чтобы стороны могли найти компромисс: все современные науки будут преподаваться в «Аль-Джамиа аль-Халдуния», посещение которого будет добровольным. Но для выпускников аз-Зейтуны, прошедших эти курсы, создавались привилегии при поступлении на государственную службу. Обязательным стало лишь посещение занятий по арифметике, географии и истории, на которые в расписании аз-Зейтуны отводился один час в день, и учебники по этим дисциплинам должны были быть написаны авторами-мусульманами.

Провал реформы был несомненным: в учебных отчетах за 1900 г. указано, что курс математики посещали только 5 студентов, курс истории – 15, тогда как 43 курса арабской грамматики посещались 770-ю студентами, а 31 курс исламского права – 700-и студентами аз-Зейтуны⁹. Таким образом, это была полная победа мусульманских традиционалистов над альянсом франко-тунисских реформаторов.

Поддержка прогрессивно мыслящих тунисских сторонников реформ, особенно если речь шла о вопросах религии, была стратегической задачей французской администрации. В 1898 г. в Тунисе стал распространяться египетский журнал «аль-Манар», орган сторонников исламской модернизации, издававшийся лидерами этого направления Рашидом Ридой и Мухаммедом Абдо. Журнал приобрел популярность в Тунисе. В 1904 г. вышел в свет тунисский журнал «аль-Саада аль-узма», редакция которого поставила перед собой цель способствовать диалогу сторонников модернизации с представителями традиционалистских кругов. С редакцией сотрудничали

несколько улемов, сторонников реформ, но он также предоставлял право высказываться и шейхам-консерваторам. Несмотря на умеренный тон и попытки примирения, «аль-Саада аль-узма» рассматривалась духовными властями Туниса как издание, подрывающее религиозные устои, так же как это, по их мнению, делал и «аль-Манар». Вскоре улемы направили ноту протеста премьер-министру Туниса Бу Аттуру, требуя закрыть «аль-Сааду аль-Узму» и запретить распространение в стране «аль-Манара». Требования улемов поставили власти в затруднительное положение. В результате был найден компромисс: «аль-Саада аль-узма» прекратил свое существование, но «аль-Манар» не был запрещен в Тунисе.

Рубеж веков явился для Франции временем перехода большинства в парламенте Третьей республики от лево-центристской к право-центристской позиции. Рост социалистических тенденций испугал либералов-центристов и умеренных, они перешли к поддержке правых сил. Разумеется, эти изменения не могли не оказать влияния на характер колониальной стратегии Франции. Перемены последовали уже после отъезда из Туниса генерального резидента Р. Мийе и особенно С. Пишона (1901–1906). Конечно, сторонники либеральной колониальной стратегии пытались защитить свою позицию: Р. Мийе выступил в 1908 г. на конгрессе по Северной Африке с докладом «Совместим ли ислам с современной цивилизацией», но ситуацию это уже не могло изменить. Новая администрация во главе с генеральным резидентом Г. Аляпетитом (1906–1918) положила конец политике сотрудничества с тунисской интеллигенцией. Наоборот, по мере того как возрастала международная напряженность ввиду приближения Первой мировой войны, администрация занимала оборонительную позицию и стала заискивать перед традиционалистами.

Первым следствием изменения французской колониальной стратегии стал рост appetitов «колониальных капиталистов»: колонизация, бывшая в первые годы существования протектората делом частных лиц, к 1905 г. становится объектом вмешательства государства с целью обеспечить «заселение» страны французами, то есть государственной колонизацией. Это, в свою очередь, повлекло разочарование тунисских «эвалюэ» в политике сотрудничества с властями протектората. Радикализация взглядов национальной элиты привела к созданию в 1907 г. Партии младотунисцев («Хизб Тунис аль-фатат»), что можно рассматривать как начало периода борьбы за независимость в Тунисе. Поняв, что Франция не намерена принять требования тунисцев, сформулированные в формуле «Мы требуем общих прав для всех, справедливости и свободы», младотунисцы сделали ставку на помощь турецкого султана и объявили себя сторонниками панисламизма. Эта тенденция особенно усилилась во время итало-турецкой (1911–1912) и Первой мировой войн.

Если учесть, что в преддверии Первой мировой войны главным соперником Франции на международной арене была Германия, союзник Турции, бывшей для большинства мусульман символом халифата, то становится понятным раздражение властей протектората. В 1912 г. они объявили Партию младотунисцев вне закона, закрыли «панисламистскую» прессу, а лидера партии Башира Сфара назвали «агентом панисламизма в Тунисе». Германия действительно предпринимала неоднократные попытки нанести урон французскому владычеству в Северной Африке, используя авторитет Османской империи среди мусульман. И после успеха революции младотурков в 1908–1909 гг. Германия продолжила использовать панисламистскую идеологию в своей внешней политике. Младотурки в союзе с Германией способствовали появлению в Стамбуле таких панисламистских организаций североафриканцев, как «Мухаммеданское общество», «Комитет борьбы за независимость Туниса и Алжира».

Принимая во внимание попытки Германии использовать свой союз с Турцией для создания общественного мнения в арабском мире о себе как о друге ислама, и о Франции как о его враге, авторы новой французской колониальной стратегии решили прибегнуть к той политике, которую проводили ее союзницы Великобритания и Италия: демонстрация благосклонности по отношению к религии и ее институтам и поиск путей примирения с традиционалистами, включая улемов. Это новое направление французской политики предусматривало «борьбу с германо-турецким альянсом, при использовании его же тактики»¹⁰. Так, в 1911 г. в Париже была учреждена межминистерская комиссия по делам ислама. Она разработала несколько проектов, демонстрирующих озабоченность Франции состоянием традиционного ислама: несколько улемов из Северной Африки были назначены представителями при французском правительстве; было выделено полмиллиона франков на строительство в Мекке и Медине общежития для паломников из Магриба; принято решение о строительстве мечети в Париже. Параллельно с британским планом сделать шарифа Мекки «арабским халифом» появился французский план провозгласить марокканского султана халифом Северной Африки¹¹. Словом, как было сказано на одном из заседаний этой комиссии, лучшим противоядием от немецкого панисламизма может стать французская его разновидность.

С целью привлечь и сделать союзниками тунисские умеренные и традиционалистские круги власти протектората частично отказались от идеи реформировать страну. Политика благоприятствования традиционализму дала себя знать в 1910 г., когда опять был поднят вопрос о реформировании системы образования в аз-Зейтуне. На сей раз ее инициаторами выступили сами студенты. 15 апреля была начата забастовка, лидеры студенчества

требовали сделать образование более современным. Главным недостатком учебной программы они называли ее схоластический характер, она состояла только из религиозных наук. «Выпускники аз-Зейтуны не знали ничего об окружающем мире», – писал один из современников¹². Кроме того, претензии были и к методам преподавания: процесс обучения сводился к цитированию пророка и его последователей. Справедливым считалось лишь то, что можно подтвердить словами пророка и хадисами. Инакомыслие не допускалось и наказывалось.

Студентов поддержали члены Партии младотунисцев – как участием в митингах, так и в средствах печати. Декрет о реформе аз-Зейтуны пришлось ждать два с половиной года, только в сентябре 1912 г. появился компромиссный документ. Опять, как и в 1898 г., консерваторы не позволили внести каких-либо серьезных изменений в систему обучения в аз-Зейтуне. В отличие от младотунисцев, администрация протектората на протяжении всего конфликта соблюдала нейтралитет. 25 апреля 1910 г. орган младотунисцев газета «Ат-Туниси» писала, что власти протектората нельзя обвинить в том, что они способствуют проведению реформ, «потому что они умыли руки в этом вопросе, подобно Пилату»¹³. Несомненно, французы саботировали реформы в расчете добиться благосклонности улемов, их нейтрализации по отношению к французским властям. События вокруг аз-Зейтуны имели один несомненный результат: обострение противоречий и враждебности в отношении религиозных авторитетов к младотунисцам. Улемы рассматривали поведение молодых националистов как дерзкое вмешательство в дела религии.

Новые приоритеты возобладали и в порядке назначения на важные духовные посты в протекторате. Если раньше для французских властей главным критерием были прогрессивное мышление улема и его желание сотрудничать с администрацией, то уже в 1910 г. ситуация стала обратной. Шейх Мухаммед аль-Нахли, сочувствовавший студенческим требованиям, был назначен на пост заместителя инспектора аз-Зейтуны, но генеральный резидент Г. Аляпетит наложил вето на это назначение, потому что в среде улемов взгляды шейха аль-Нахли считались отклонением от ортодоксального ислама. Такая же ситуация имела место и при назначении нового шейха аль-ислам Туниса. После смерти Мухаммеда ибн аль-Худжа его пост должен был занять шейх Хасан ибн аль-Кади, человек умеренно-либеральных взглядов. Но вопреки традиции шейхом аль-ислам стал Ахмад Байрам, «архиреакционер».

Время свободы в выражении неортодоксальных взглядов религиозными деятелями также подошло к концу: к началу 1910-х гг. относятся последние выступления улемов, сторонников реформ. Одним из последних актов такого рода стала книга шейха Мухаммеда аль-Хидра ибн

аль-Хусейна «аль-Дава иля аль-ислях» (1910). Говоря о совместимости западных институтов с традициями ислама, автор подчеркивает, что только улемы в силу профессионализма способны трансформировать западные институты и идеи в исламской среде, не нарушив норм шариата. Эта книга призывает к умеренным реформам в рамках, дозволенных исламской этикой. Ибн аль-Хусейн вскоре после выхода книги вынужден был покинуть Тунис и эмигрировать в Стамбул, что свидетельствовало о неблагоприятной для исламского модернизма обстановке в предвоенном Тунисе.

После запрета Партии младотунисцев в 1912 г. французская администрация продолжала следовать политике потворства традиционалистским кругам. Так, в 1913 г., когда французы проводили статистические исследования в Тунисе, к работе были привлечены два кади, чтобы гарантировать полное следование исламским традициям. Некоторые улемы не стеснялись публично заявлять о своей лояльности по отношению к властям протектората. Маликитский кади Тахир ибн Ашур объявил, например, что тунисские мусульмане, служащие во французской армии, освобождаются от поста в месяц Рамадан¹⁴. А заместители инспектора аз-Зейтуны периодически докладывали властям о «подрывной» деятельности студентов, близких к младотунисцам. Такое поведение улемов рассматривалось молодыми националистами как согласие сотрудничать с французскими колонизаторами, данное в обмен на обещание французов сохранить в неизменном виде исламские институты.

Но неучастие улемов в национальном движении не должно рассматриваться как желание сохранить протекторат. Оно скорее объясняется страхом перед секуляризацией. Вынужденные выбирать из двух зол – иностранной оккупацией и светской разновидностью национализма – улемы предпочли остаться вообще в стороне от политических событий. Преобладающее влияние на общественные настроения стали оказывать отнюдь не религиозные лидеры, а представители зарождающегося национального движения. Эта позиция невмешательства, занятая религиозными авторитетами на ранней стадии становления национального движения в Тунисе в 1907–1912 гг., сохранилась и на весь последующий период борьбы за независимость в Тунисе вплоть до 1952 г., предопределив особенности исторического развития Туниса по сравнению с другими североафриканскими странами. И одной из главных причин этого была «исламская» политика французской администрации протектората.

Примечания

¹ Soumille P. *Europeens de Tunisie et questions religieuses* (1892–1901). P., 1975. P. 5.

- ² Жерлицына Н. А. К истории установления консульских отношений между Россией и Тунисом // Куда идешь, Африка? / под ред. В. А. Субботина, В. В. Грибановой. М., 2004. С. 25–37.
- ³ Ворончанина Н. И. Ислам в общественно-политической жизни Туниса. М., 1986. С. 40.
- ⁴ См.: Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе. М., 1971. С. 22.
- ⁵ Green A. The Tunisian Ulama. Leiden, 1978. P. 159.
- ⁶ Al-Habib Bularas. Tarih Tunisi. [History of Tunis]. Tunis, 2015. P. 387.
- ⁷ Delafontaine M. L'établissement de la France en Tunisie. Lille, 1989. С. 243.
- ⁸ Delafontaine M. L'établissement de la France en Tunisie. С. 243.
- ⁹ Abdel Moula M. L'universite zaytounienne et la societe tunisienne. Tunis, 1971. С. 105.
- ¹⁰ Жерлицына Н. А., Сологубовский Н. А., Филатов С. В. Диалог цивилизаций. М., 2006. С. 26.
- ¹¹ Ganiage J. L'expansion coloniale de la France sous la Troisième République (1871–1914). P., 1968. P. 165.
- ¹² Себа П. Тунис. М., 1953. С. 202.
- ¹³ Abdel Moula M. Op. cit. P. 268.
- ¹⁴ Жерлицына Н. А. Российско-тунисские отношения. 1780–1991. М., 2014. С. 53.

Образец для цитирования:

Каздагли Н. Б. А. Ислам в колониальной стратегии Франции в Тунисском протекторате в 1881–1914 годах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 489–494. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-489-494.

Cite this article as:

Kazdagli N. B. A. Islam in the Colonial Strategy of France in the Tunisian Protectorate in 1881–1914. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 489–494 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-489-494.
